

«Вновь я посетил...»

Стихотворение «Вновь я посетил...» (1835) — один из прекрасных, наиболее глубоких образцов реалистической лирики Пушкина, и его идейно-художественное богатство отнюдь не исчерпывается действительно «простыми и задушевыми» картинами природы, а представляет собою поэтическое выражение и развитие глубокой философской темы.

Вспомним, в каких условиях написано стихотворение.

Вторая половина 1820-х и 1830-е годы в развитии творчества Пушкина — годы становления и торжества реализма. Середина 30-х годов в жизни Пушкина — время, когда поэт с особенной силой чувствует свою зависимость от сложных и трудных обстоятельств жизни «в кругу вельмож», в непосредственной близости ко двору, в постоянных материальных заботах и в исключительно неблагоприятных условиях для творчества.

В эти годы в письмах Пушкина, да и в его стихах нередко встречается мысль о желании уйти из порочного круга, в который привела его судьба. К июню 1834 года относится его прошение об отставке, взятое назад под угрозой запрещения работать в исторических архивах. В том же 1834 году написано стихотворное обращение к Наталье Николаевне «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» с призывом уйти в «обитель дальнюю трудов и чистых нег».

В 1835 году поэт хлопочет об освобождении его на три–четыре года от службы и разрешении жить в деревне, но ему не удается осуществить свое желание; приходится довольствоваться возможностью на несколько дней или недель вырваться из города в любимые «Михайловские рощи». В 1835 году Пушкин дважды побывал в Михайловском. 21 сентября поэт пишет Наталье Николаевне:

«...Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится...»

Тема раздумий о действительности, о жизни, неудержимо стремящейся и уходящей, занимает заметное место в лирике Пушкина. Но эта тема у Пушкина всегда проникается смягчающим ее пониманием и признанием закономерности совершающегося кругооборота жизни.

Все благо: бдения и сна
Приходит час определенный;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

О грустных размышлениях поэта можно сказать его же словами:

Печаль моя светла...

Оптимизм всегда был и оставался до конца дней неотъемлемой частью мировоззрения Пушкина.

В письме Пушкина к Наталье Николаевне от 25 сентября 1835 года мы находим строчки, воссоздающие условия, в которых написано было стихотворение «Вновь я посетил...»:

«...В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего, все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не

сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся, да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: «Хорош никогда не был, а молод был»».

Здесь, в сущности, уже заложены и тема, и важнейшие мотивы зародившегося в душе поэта нового поэтического создания.

Каков же общий характер, тон стихотворения? Тон грустный, в стихотворении чувствуется грусть, печаль, но эта грусть не носит мрачного характера. Напротив, она смягчается светлым, любовным отношением к жизни, к природе, к людям. В конце стихотворения радостное обращение к молодому поколению.

В этом стихотворении поэт раздумывает над ходом жизни. Обратимся к его началу:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет **ушло с тех пор** — и много
Переменялось в жизни для меня.

Почему здесь сказано «ушло», а не «прошло»? Слово «ушло» как нельзя лучше передает мысль о невозвратимости прошлого.

Далее поэт от мысли о своей жизни переходит к большому обобщению:

И сам, покорный **общему закону**,
Переменялся я...

Таким образом, основной предмет размышлений поэта — общий закон жизни, когда все меняется, старое уходит, на смену ему приходит новое. Но тема стихотворения этим не исчерпывается. Размышления о ходе жизни приводят к мысли о смене и связи поколений: деды, отцы, внуки. Так, в начале стихотворения встречаются слова: «На границе владений дедовских», где эпитет «дедовских» вызывает мысль о прошлых поколениях, а в конце — упоминаются поколения будущие: «Но пусть мой внук...». Закономерно сменяются поколения в ходе жизни, в непрерывном течении времени — этот объективный, вне нашего сознания действующий закон жизни и есть основная тема лирического раздумья поэта.

Теперь проследим ход размышлений поэта: какие образы минувшего и настоящего возникают последовательно в его стихах?

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.

Домик и няня. Домик назван опальным. Прилагательное от слова опала, немилость. Поэт долго искал подходящего эпитета, перебирая другие: ветхий, мирный. Почему лучше всего подходит «опальный»? Потому что он попутно вызывает мысль о конкретных обстоятельствах жизни Пушкина в изгнании. Этот эпитет уже встречался в стихах из «19 октября»:

...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный...

Каково отношение поэта к няне? Оно выражается в ласкательной форме слова «старушка», в сочувственном эпитете «бедная», в том, что вспоминаются детали: тяжелые шаги, кропотливый (то есть усердный, старательный) дозор.

Далее возникают образы «холма лесистого» и озера.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

Слово «недвижим» говорит о состоянии глубокой задумчивости. «Иные берега, иные волны» — это воспоминания о жизни на юге, о Гурзуфе и Одессе, о том, чем тогда

была полна жизнь. Примечательно, что в стихотворении с самого начала встречаются скупые намеки на огромный биографический материал.

Что говорит поэт об озере?

Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно синевя стелется широко...

Как живописна, вызывающая красочные представления, картина: золото, зелень, синева!

Образ озера влечет за собой образы рыбака и окружающих озеро деревень. Милая, родная природа русской деревни! Пейзаж дан подлинно реалистический. Новое направление в литературе утверждалось Пушкиным не только путем создания реалистической трагедии, романа, повести, но и лирики действительной жизни.

Сравним пейзаж «Деревни» (1819) с пейзажем «Вновь я посетил...» (1835). Ведь и там и здесь одна и та же картина окрестностей Михайловского, но и какое в то же время различие!

В «Деревне» перечислено больше картин, составляющих фактическую обстановку Михайловского, но на пейзаже есть налет идеализации, который приходит в явное противоречие со следующими за ним стихами:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает...
Здесь рабство тощее влачится по браздам...

В пейзаже «Вновь я посетил...» дано меньше картин, но зато отобранные немногие детали (не «рыбарь», а рыбак тянет «убогий невод», не «мельницы крылаты», а «скривилась мельница, насилу крылья ворочая...») создают образ бедной русской деревни.

Итак, «Вновь я посетил...» — образец реалистической лирики Пушкина. Оно насыщено огромной лирической силой, искренностью настроения, прелестью и очарованием дорогих русскому человеку картин природы Михайловского.

Реалистическому характеру темы и образов соответствует и лексика стихотворения. Она проста. Наряду со словами, принятыми в литературном языке (*минувшее, недвижим, неведомый, некогда* и т. д.), в нем много слов простой разговорной речи (*уголок, домик, холостяк* и т. д.), встречаются слова народного просторечья (*вечор, насилу, сиживал, вспомянет, пажити*), редко славянизмы (*золотые нивы, младое племя, глава*).

Стихотворение написано пятистопным ямбом без рифмы, в нем часто встречаются переносы, что создает предельную простоту поэтической речи.

Следующий за картиной озера — образ трех сосен:

...На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...

Сосен этих давно нет, но место, где они стояли, до сих пор у окрестного населения носит название «Кривые сосны».

...здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал...
...Они все те же.
Все тот же их знакомый уху шорох...

Аллитерация введена для создания средствами звучания живой картины. В ходе работ над стихотворением поэт усилил аллитерацию. В черновике был такой вариант:

Знакомой мольвью шорох их вершин...

В беловом тексте стало: *знакомым шумом*.

Образ трех сосен овеян той же любовью к родным местам, как и все картины природы. Шум сосен знакомый, они, как живые, приветствуют поэта.

Последний пейзаж, данный в стихотворении — «младая роща». Сравнение «кусты теснятся под сенью их, как дети» делает этот образ, как и образ сосен, живым и вместе с тем символичным. Вот она, живая связь поколений, старых и молодых. Старики охраняют теснящуюся под их сенью молодую поросль. Они могут грустить, что их время уходит, но они не могут не радоваться подрастающей смене. Вот почему так правдиво и естественно звучит обращение поэта со своим приветом к «племени младому, незнакомому».

...не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

К каким же выводам приходит поэт в ходе раздумий о течении времени, о смене поколений? Каков его облик? Мудрый гуманист, раздумывающий над ходом времени, пришедший к мысли о естественности, закономерности совершающегося, к мысли о необходимости доброй действенной связи между поколениями, любящий жизнь и людей, в самой печали пришедший к светлому взгляду на будущее.

По К. Лахостскому